

РОЗДІЛ 1. ЕКОНОМІЧНА ТЕОРІЯ

УДК 330.101

ЭКОНОМИКС ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ? (размышления политэконома)¹

Задорожный Г.В., д. э. н., профессор

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье раскрывается несостоятельность экономикса как науки. Показана ненаучность его исходных постулатов, а также невозможность в его формате исследовать современные социально-экономические реалии.

Ключевые слова: экономикс, мейнстрим, потребление, постнеклассическая наука, финансомика, ценности, экономизм.

*Экономизм – говоря коротко и прежде любых «точных» определений – это вера экономической рациональности только в саму себя и ни во что другое.
Петер Ульрих*

*Без боязни следует изгонять скверную привычку засорять молодым глаза.
Николай Перих*

Отечественная экономическая наука пребывает в *длщемся кризисе*. В последние годы начали появляться статьи и монографии, авторы которых не просто высказывают свою озабоченность сложившимся положением, но и представляют свое видение выхода из создавшейся ситуации. Они единодушны в том, что главный путь выхода из кризисного состояния лежит через *обновление методологии* экономической науки. В этом плане заслуживают наибольшего внимания три положения, обоснованные ведущими профессорами-политэкономами страны.

Во-первых, в мире бурно протекает переход к *четвертой научной* революции, формирующей *постнеклассическое* знание. «В последней трети XX века, на изломе эпох и цивилизаций, на грани вершин достижений и пропасти глобальных проблем у человека появился уникальный шанс по-иному взглянуть на себя – не с мнимых высот покорителя природы и создателя альтернативного искусственного монстра как своего безжизненного продолжения, а с позиции непосредственной включенности в ноосферу и универсум. Это дает основания говорить о начале очередной научной революции и рождении *постнеклассической науки*, которая призвана предложить новую базовую модель мира и познания, дать науке «новый язык», ответить на вызовы постмодернизма», – подчеркивает В.Н. Тарасевич. И далее разъясняет специфику постнеклассической науки: «Постнеклассика избирает своим объектом *сверхсложные человекообразные системы* универсумного типа, в которых человеческая и природная суть – самоценные и равноправные начала. Человек интегрирован в подобную систему не фрагментарно, как, например, *homo economicus*, а тотально и непрерывно-бесконечно, и поэтому реагирует на ее изменения не только своим сознательным, но также бес- и надсознательным началами. Следовательно, в постнеклассике «собственно научное знание *необходимо и неразрывно* соединяется со знанием ненаучным и вненаучным, а сама она не претендует на абсолютное лидерство и рассматривает себя как одну из составляющих *постижения*, изъявляя готовность на равных взаимодействовать с его чувственными, медитативными, художественными, народными и другими формами, воспринимая импульсы их интенсивного влияния и известным образом изменяясь» [22, с. 110; см. также 13].

Переход к постнеклассической науке следует рассматривать в русле необходимости создания принципиально новой модели реальности, «в которой *сознание* является столь же фун-

¹ В порядке обсуждения.

даментальным аспектом реальности, как пространство, время и материя, а может быть – еще более фундаментальным» [8, с. 59]. Предпосылки для нового понимания реальности, в которой «сознание присутствует в разных степенях свертывания и развертывания во всей материи», ибо «способность формы быть динамичной – это наиболее характерный признак сознания, и мы уже видим нечто сознательное в поведении электрона» [21, с. 66], – подтверждены множеством научных экспериментов [см. также: 1; 15; 20; 23], которые не может принять механико-материалистически настроенная наука.

Во-вторых, в глобальном мире, как свидетельствуют результаты многочисленных исследований последнего десятилетия, развиваются и процветают те страны, которые *во главу угла* успеха поставили *ценности и духовные традиции*. «Человечество всегда требовало актуализации ценностей образа жизни, но только сейчас, в эпоху растущей конкурентоспособности знаний и остроты проблем экологии, ценностная конкурентоспособность по-настоящему становится императивом» [19, с. 8], – констатирует академик НАН Украины Ю.Н. Пахомов. Именно через обращение к культурно-ценностным, духовно-нравственным началам только и можно практически реализовывать императив выживания человечества, не допустить его скатывания в небытие, чему способствует *гламур* как нынешняя форма *потребляемости*². В единстве триипостасевой природы человека как био-социо-духовного существа и структуры его деятельности сегодня актуализируется *духовная ипостась*, с которой собственно и связана *человечность*. Говоря о необходимости создания в Украине инновационного общества, профессор С. Вовканыч, действительный член Папской академии социальных наук, делает ударение на том, что «при этом мы должны отдавать должное *человеческому измерению*, которому присущи не только знания, информация, компьютер и Интернет, но и национальное *сознание, духовность, культурные ценности*, трудовой менталитет и мотивы, прежде всего творческие, – мотивы молодого поколения, которые будут определяющими для наращивания инновационного потенциала развития как залога нашего суверенитета и формирования у нации необходимых для этого качественных характеристик» [4, с. 47] (выделено мной – Г. З.). О недостаточности для выхода общества на путь процветания и повышения народного благосостояния только лишь интеллекта мы писали, вводя в научный оборот понятие *интеллектономики как цивилизации одухотворенного интеллекта* [см.: 10, с. 99-112].

В-третьих, реальность формирования экономики и общества знаний привела к тому, что сама *экономика* стала лишь *составляющей социальной сферы*, на что обоснованно указал профессор А. Гальчинский: «Если по привычной схеме существующих научных канонов индустриального общества социальное детерминируется экономическим, то сейчас далее все в большей степени становится очевидным неадекватность этой взаимосвязи. В постиндустриальном обществе экономическая и социальная сфера фактически поменялись местами. Сегодня экономика сама собой стала непосредственной составляющей социальной сферы, которая не только поглощает ее результативное основание, но и определяет большую часть энергетического потенциала, ее ресурсную базу, пределы роста и развития» [6, с. 11]. И это вполне закономерно, ибо индустриальная стадия развития была направлена на производство в основном материального богатства и создала мощные технологии, вытолкнувшие человека из сферы материального производства в сферу услуг, т. е. сферу живого общения между людьми. В этой сфере развитие происходит, прежде всего, за счет общения, за счет накопленной человеком социальной информации, которая постепенно становится востребованной и начинает высоко цениться. «Первоосновой социальной составляющей человека является не столько обмен деятельностью (он может быть ограниченным как в пространстве, так и во времени), но, прежде всего, накопление наработанной человечеством социальной информации, которая, естественно, выступает планетарной по содержанию и структуре. Именно соци-

² Потребляемость – это действительно тот термин, который выражает *исзначальную* сущность слова «потреблять, потребление»: ибо, как писал Дж. Рифкин, «если заглянуть в словарь английского языка, составленный Сэмюэлем Джонсоном, то «потреблять» – там значит *истощать, грабить, опустошать, разрушать*. На самом деле, даже в поколении наших бабушек и дедушек когда-то у кого-то был туберкулез, это называлось словом «потребление». То есть вплоть до этого века (XX – Г. З.) быть потребителем не означало ничего хорошего, а напротив, значило нечто плохое» (выделено мной – Г. З.) (Цит. по: 27, р. 219-220). Вместе с тем хочу обратить внимание на книгу Джона Де Граафа, Ванна Дэвида, Нейлора Томаса «Потребляемость. Болезнь, угрожающая миру». – М., 2004.

альная информация, которая передается человеку наследственно (от поколения к поколению), а также посредством горизонтальных связей человека с человеком, является основой познания, формирует социальную природу личности. Личность является носителем социальной информации, и, прежде всего, в этом контексте – носителем социального» [5, с. 93]. Но вместе с тем меняется сам тип экономики: в ней главным ресурсом становится знание, а она получает название экономики знаний. «Экономика знаний – это экономика, которая по своему сущностному определению является полноформатной социальной экономикой» [5, с. 236]. И все это верно, ибо отражает сегодняшнюю реальность.

Но и *такого понимания* уже явно *недостаточно*, ибо знания, как и сама наука, как когда заметил Пуанкаре, *нейтральны*, т. е. могут использоваться как во благо, так и во вред человека. Реальность состоит и в том, что знания, способствующие через свое воплощение в технологии и технике, наносят зачастую *непоправимый вред* природе как среде обитания человека, а тем самым и самому человеку. С другой стороны, социальные отношения сами по себе весьма *далеки от совершенства*, ибо человек по своей природе больше эгоист, чем альтруист. И вот здесь и возникает проблема его будущего как проблема *выживания человека и человечества*, которую нельзя решить *теми способами*, которые ее породили и обострили. Становится понятным, что все накопленные экономические и социальные противоречия и коллизии можно разрешить, только обратившись к сфере *духа, духовности человека*. Поэтому *социализация*, которая первоначально возникла как преобладающе направленная *вовне* человека, когда человек поступал в соответствии с *ценностями и нормами*, принятыми в обществе (первый тип социализации), заменяется инструментальной (функциональной) социализацией, апофеозом которой стала направленность *вовне без ценностной основы*, когда «успех превыше всего» (второй тип социализации). Сейчас актуализируется третий тип социализации, возникающий как отрицание отрицания и осознающийся сегодня с точки зрения *императива выживания человечества*, как возврат к *ценностной социализации*, но направленной *внутри* человека. Он имеет цель преобразования *качеств человека* на основе отношений *человечности* [см.: 11, с. 34-40]. Тем самым обосновывается необходимость перехода экономической науки к исследованию *третьей* (после экономической и социальной) формы богатства – *духовного богатства*. «И в этом плане важно понимать, что проблематика исследования социального богатства выступает важнейшим направлением обществоведческого знания, но одновременно только лишь прелюдией, вратами вхождения в *более высокую и более фундаментальную область-основание* – сферу духовного богатства. Принципиальное различие заключается в том, что экономическое и во многом социальное богатство – *внешнее* по отношению к человеку, а духовное богатство – *внутреннее*» [12, с. 37].

Именно исходя из данных теоретических положений, следует оценить то, что сегодня происходит в отечественной экономической науке, прежде всего в экономической теории. Самое главное сводится к тому, что на место политической экономии в годы независимости *бездумно* поставлен *экономикс*, который стал *базовой учебной дисциплиной* в экономическом цикле дисциплин, а также во многом и той *системой методологических координат*, в которой ведется множество научных разработок.

Возникает вполне закономерный вопрос: *что* собой представляет *экономикс* как теория или направление экономической мысли? Этот вопрос занимает умы думающих исследователей уже не первое столетие. И если разобраться по существу, то ответ на первый весьма поверхностный взгляд может оказаться неприемлемым в насажденной повсеместно эйфории нового «верного и всепобеждающего учения» – мэйнстрима. Начнем с истоков.

Анализ показывает, что в исходных *постулатах*-первоосновах *экономикса нет ничего научно обоснованного*: они сплошь лишь *идеологические догмы-лозунги общества потребления*, завуалированные под поверхностно-математизированные формулы и графики, превращенные в достаточную самоцель и практически мало что общего имеющие с реальным хозяйственным процессом.

В данном случае именно графики кривых, весьма абстрактные и не подтвержденные анализом реальной экономики рынков, исходящие из *мифическо-фантастических предельных величин*, которых практически и подсчитать-то *невозможно*, выступают «научно-гламурными» обертками *догматических верований экономикса* как нынешнего мэйнстрима.

Серьезные западные экономисты-исследователи, начиная от Т. Веблена (в 1898 г. им опубликован очерк «Почему экономикс не эволюционная наука?») и до А. Эйнхера («Почему

экономикс еще не наука?»), вскрыли ненаучность экономикса, его изначально заложенное фиаско в первичных постулатах-верованиях.

Ненаучная природа экономизма заключена в его *неоклассическом ядре*, которое состоит из четырех основных элементов или теоретических постулатов:

1) это ряд кривых безразличия, основанных на постулированной функции полезности для каждого индивида, которая, будучи агрегированной для домашних хозяйств, представляет относительные предпочтения двух продуктов обществом в целом;

2) ряд непрерывных, или однородных изоквант, основанных на постулированной производственной функции для каждого из производимых продуктов, которые в совокупности представляют все возможные комбинации труда и других производственных факторов для производства этих продуктов;

3) ряд возрастающих (положительно наклоненных) кривых предложения для всевозможных фирм и отраслей, которые охватывают производственный сектор экономики;

4) ряд кривых предельного продукта для всех факторов производства. Не только труда, а главным образом – капитала [26, с. 344-345].

Эти постулаты в разном сочетании служат базисом для микроэкономической аргументации. Но главное состоит в том, что *ни один из них не укладывается в эпистемологические правила научных исследований и не имеет эмпирического подтверждения*. «Что поразительно в этих четырех теоретических конструкциях, – подчеркивает А. Эйхнер, – так это то, что, несмотря на их почтенный возраст, экономистам еще только *предстоит утвердить* их эмпирически. Существует серьезное подозрение, что вместо того чтобы служить основой дальнейших разработок в экономиксе, *каждая* из них представляет собой источник фундаментальных ошибок, и необходимо их исправление, прежде чем станет возможным любой прогресс научного характера в рамках этой дисциплины» [26, с. 345] (выделено мной – Г. З.). Он содержательно раскрыл научную несостоятельность указанных постулатов.

Однако до сих пор эти постулаты являются тем основанием, на котором объединяется экономическая профессия как общественная система (сообщество экономистов), необходимая членам экономического истеблишмента «для сохранения своего места в более широком общественном кругу путем увековечивания комплекса идей, которые это общество полагает полезными, какими бы дисфункциональными ни были эти идеи для научного понимания того, как работает экономикс. Другими словами, экономикс не желает придерживаться эпистемологических принципов, отличающих научную деятельность от других форм интеллектуальной жизни, поскольку это могло бы подвергнуть опасности позиции экономикса в обществе в качестве защитника господствующей политической веры» [26, с. 366].

Вместе с тем сохранение четырех указанных постулатов в качестве неоклассического ядра «гарантирует, что только те, *кто не хочет замечать недостатки экономикса* в настоящее время, – включая ненаучную эпистемологию и всю часть эмпирически недостоверных идей, – *будут оценены как компетентные специалисты*. Следовательно, оно помогает гарантировать воспроизводство общественной системы, представленной экономической профессией в неизменном виде» [26, с. 362] (выделено мной – Г. З.).

Как в этой связи не вспомнить слова выдающегося биолога современности, создавшего теорию морфогенетических полей, Руперта Шелдрейка, о том, что «ученые претендуют на особую объективность и в то же время принадлежат к той социальной группе, где принято предавать гласности только тщательно отобранные результаты. Такие условия весьма благоприятны для умышленного обмана, но самой серьезной угрозой идеалу объективности я считаю не обман как таковой. Намного опаснее самообман – в особенности самообман коллективный, поощряемый ложными представлениями о природе объективной реальности, доминирующими в академической среде» [25, с. 267]. В такой ситуации самообмана уже больше века пребывает то сообщество экономистов, которое исходит из вышерассмотренных исходных постулатов и считает экономикс научной теорией, которую пытается насадить всему миру.

Весьма обоснованно показал научную несостоятельность мэйтстрима отражать современную действительность М.Е. Дорошенко, который на основании *исторического анализа* возникновения его постулатов раскрыл *некорректность* исследований экономики теми формально-математическими методами, которые изначально были неадекватными объекту анализа. Однако до сих пор никто *из проповедников экономикса* не обращает внимания на эту сторону

проблемы. Но именно в ней были заложены все последующие ошибочные подходы и ненаучные трактовки.

М.Е. Дорошенко обосновывает мысль, что корни такой неадекватности следует искать не в самой экономической теории, а *за ее пределами*, в желании превратить экономическую науку через использование математики в точную науку. Но У.С. Джевонса, который, как принято считать, первым ввел в экономическую науку принцип аналога, основываясь на формально математических методах, допустил *некорректность* (ибо сам он не имел сколько-нибудь серьезной подготовки в области математических наук – получил образование и работал в области прикладной химии), за что и «был подвергнут критике со стороны современников-математиков, утверждавших, что формальный аппарат, использованный в первом издании его «Теории политической экономии», был неадекватным» [9, с. 11]. Нереалистичность предпосылок была налицо. Но за ним пошли К. Виксель, В. Парето, Ф. Эджворт, Л. Вальрас, И. Фишер и другие, которые превратили «физические аналогии в костяк того, что позже назвали «неоклассической теорией». Главной целью подобных заимствований было стремление встроить экономическую теорию в единую научную картину мира на равных с естественными науками» [9, с. 12].

Тот факт, что корни и фундаментальные основы неоклассической теории настолько глубоко похоронены в истории, также «работает» на экономикс, *выдавая его за науку*. Однако неспособность исследовать реальные экономические процессы, которая очевидна каждому здравомыслящему экономисту, схоластичность исходных постулатов должна бы, по крайней мере, насторожить отечественных *проводников-проповедников* неоклассической теории.

«Ограничив предмет экономической теории, неоклассики открыто признались в своей некомпетентности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей, – пишет историк и методолог экономической науки М. Блауг. – Неизбывный методологический грех неоклассической теории состоял в том, что она использовала микростатические теоремы, выведенные из «вневременных» моделей, в которых отсутствовали технический прогресс и увеличение доступных ресурсов для предсказания хода событий в реальном мире» [3, с. 650]. Поэтому, как писал Дж. М. Кейнс о неоклассическом направлении экономической науки, его «проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [14, с. 11].

Весьма обстоятельно и доказательно раскритиковал экономизм Петер Ульрих, немецко-говорящий швейцарский экономист, признанный в мире специалист по проблемам хозяйственной этики. Его небольшая по объему, но весьма глубокая по смыслу книга «Критика экономизма» должна стать *настойной книгой каждого уважающего себя* профессора экономики и каждого студента экономического факультета. В ней он исходит из обоснованного положения о том, что «сегодняшняя мейнстримовская есономіс... в известном смысле является скорее частью проблемы, чем действенным средством ее разрешения. Ведь она выстраивает лишь односторонние функции смоделированной в кабинетной тиши *рыночной системы* и, как правило, пытается нивелировать этико-практические проблемы общественного хозяйства, полностью растворяя их именно в «логике системы». Там, где гуманитарные потребности или общественные стремления не могут найти соответствующего применения в рамках абстрактной функциональной логики рыночной системы, или даже принципиально ей противоречат, «чистая» экономическая теория часто приводит аргументы – не особо рефлексировав по поводу собственных нормативных положений – против столь недвусмысленных притязаний общества в его хозяйственной практике на человечность и жизненную целесообразность» [24, с. 11].

Он обосновывает, что «экономизм – говоря коротко и прежде любых «точных» определений – это вера экономической рациональности только в саму себя и ни во что другое» [24, с. 18], и раскрывает три основополагающие формы проявления экономизма, имеющего богатую *догматическую* историю: самообособление экономической рациональности; абсолютизация типа мышления, выдвигающего на первый план приоритеты цены/пользы; нормативное преувеличение логики рынка, превращение ее в особый род ложной тотальности с латентно выраженным идеологическим характером.

«Самообособление экономической рациональности от этико-практической точки зрения означает вычленение якобы автономной экономической проблематики из проблематики разумного поведения человека вообще, с тем чтобы анализировать ее – в качестве объекта познания *автономной экономической теории* – «нейтрально», абстрагируясь от «ценностного» социаль-

но-экономического контекста, с *сугубо экономической* точки зрения» [24, с. 19]. Но этическая нейтрализация чисто экономической постановки проблем не удастся, по мнению П. Ульриха, по двум основополагающим причинам: во-первых, она исходит из несостоятельного представления, будто потребляемые ресурсы (природные, человеческий труд, капитал) не имеют собственной ценности (ценностный аспект ограничивается нуждами торговли); во-вторых, она предполагает существование объективно определяемого, независимого от интересов, единого целеполагающего критерия хозяйствования (фикция общего блага).

«*Абсолютизация типа мышления, выдвигающего на первый план приоритеты цены/пользы*, означает отрицание всякой разумности экономического аспекта поведения, в том числе и порядка, смысл которых – за пределами экономики. Ее место занимает *нормативная* идея максимизации получаемой пользы при ограничении затраченных средств (идея эффективности); она представляет собой, таким образом, не нуждающуюся ни в каких этических обоснованиях основополагающую норму. Абсолютизация аспекта эффективности, превращение ее в самоцель, создает то самое *экономическое мировоззрение*, которое придает себе видимость «чистой», специально присущей экономике рациональности» [24, с. 20]. Отсюда и вытекает *ущербность* методической дисциплины, которая выявляется только при соприкосновении с реальностью.

«*Нормативное преувеличение логики рынка*, ее возведение в абсолютный принцип координации общества означает ограничение логики сосуществования людей (этической идеи рациональности) экономической логикой взаимовыгодного обмена благами. Поскольку вытекающее отсюда представление о «правильной» организационной политике уже не осознает категориальной ограниченности своего понимания рациональности и необходимости этической интеграции нормативной логики рынка, оно само превращается в «принцип» исключительно экономического обустройства социального мира. Вместо того чтобы адаптировать рынок к социальным отношениям, сами эти отношения радикальным образом подгоняются под требования рынка» [24, с. 21]. Здесь *хозяйствующий* человек превращается в *одномерного* «экономического человека», а отношения между людьми сводятся *исключительно к отношениям обмена*, когда идея экономической эффективности превращается в *идеологию тотального рыночного общества*.

Поэтому П. Ульрих делает вполне обоснованный и закономерный вывод: «До тех пор, пока экономическая теория по парадигмальным причинам держится за свою гоббсианскую концепцию «чисто» экономической рациональности, она неизбежно закрывает глаза на все этические стороны *жизненно целесообразной* формы хозяйства и экономической организации; она в основе своей *чужда миру жизни*» [24, с. 118]. С этим выводом невозможно не согласиться!

Лежащая в основании экономизма методология индивидуализма явно противоречит развитию человека и общества. Здесь уместно напомнить слова З. Фрейда из его работы «Недовольство культурой»: «Индивидуальная свобода не является культурным благом. Она была максимальной до всякой культуры, не имея в то время, впрочем, особой ценности, так как индивид не был в состоянии ее защитить. Свобода ограничивается вместе с развитием культуры, а справедливость требует, чтобы ни от одного из этих ограничений нельзя было уклониться» [28, с. 60].

Современный экономический мэйнстрим является не научной теорией, а хорошо замаскированным под таковую инструментом гламуризации и обоснования потребительства, ибо он, как весьма убедительно показал В. Марцинкевич, *не способен предложить решение какой-либо острой современной проблемы на национальном или глобальном уровне* [16, с. 36]. По мнению ученого, доказательствами этого служат следующие положения. *Во-первых*, он основан на *чрезмерной математической формализации*³, когда математический аппарат применяется для максимизации чего угодно, что находится вне процесса воспроизводства со всеми его общественными, человеческими проблемами⁴.

³ Здесь уместно привести слова И. Пригожина о том, что «человеческое поведение не может быть определено никакой научной, математической моделью»; «в человеческой жизни нет никаких простых базовых уравнений! Когда вы решаете, будете ли пить кофе или нет, это уже сложное решение. Оно зависит от того, какой сегодня день, любите ли вы кофе и так далее» (Науковедение, 2002, № 3, с. 190).

⁴ В этом плане стоит прислушаться к мнению И. Бирмана, который пишет, что «математика бессильна в выведении категорий, формулировке закономерностей и установлении причинно-следственных связей... сила математика (когда есть) в упорядочении-формализации, то есть схематизации, а экономика, как и медицина, не поддается (пока?) даже очень сложным формулам, далеко не все в них вписывается, описание неизбежно одномерно (в лучшем случае двумерно), не нюансировано... Стоит отметить и в этой связи основной недостаток кибернетических упражнений – неизбеж-

Во-вторых, мейнстрим *неадекватен современному этапу* социально-экономического развития мира, и поэтому его оценка с позиций понимания экономической науки как отрасли знаний, предметом которой является современный, основанный на *качественных* изменениях, многоукладный процесс и условия эффективного сочетания первичных источников его самодвижения, крайне отрицательна. «Решающим итоговым показателем неадекватности мейнстрима ключевым характеристикам окружающей нас экономической действительности является то, что инструментальный формальный анализ рыночных отношений не подходит к решению задач, в которых значимую роль играют качественные составляющие человеческой деятельности в современном ее понимании. Это значит, что он беспомощен при анализе творческого труда и созидательного потенциала человека, природы инновационных потребностей, определяющих его поведение в условиях динамичного, то есть преобразующегося, производства и образа жизни» [16, с. 37]. Представители мейнстрима «от экономики как науки, изучающей воспроизводство общественного богатства, отказались в пользу анализа поведения условных субъектов выхолощенными формализованными методами, часто лишенными экономического содержания» [16, с. 36].

В-третьих, мейнстрим открывает широкую дорогу «*экономическому империализму*» – практике объяснения всех видов человеческого поведения стимулами, присущими рыночной сфере, а поэтому в нем господствуют оптимизация⁵, максимизация, выбор, т. е. те категории, которые способны обосновывать организационные, производственные, транспортные задачи при изучении линейных зависимостей. «Ключевой момент состоит в том, что самостоятельные (не иллюстративные) полезные применения большей части результатов работ, основанных на методике мейнстрима, относятся не к экономической теории, а либо к полностью абстрактным задачам, либо к разнообразным конкретным изысканиям прикладного характера, где условия (по ограниченной сложности факторов) сопоставимы с техническими и организационными задачами» [16, с. 37].

В-четвертых, мейнстрим подвергает *угрозе* сам *язык экономической теории*, ибо пока проблема исчерпывающе не изложена словесно, ее нельзя применять ни в теории, ни в практике, ни в преподавании. Все аксиомы, гипотезы и результаты в экономической науке рождаются в логическом словесном выражении, а затем дополняются фактическими и статистическими доказательствами. Упрощенные иллюстративные формулы, которыми пестрит экономикс, практически *не поддаются верификации*. А то, что мейнстрим понимает под верификацией, «открывает в обиходе мейнстрима широкие возможности произвольной подгонки модели под гипотезу посредством манипулирования выбором исходных условий, переменных, статистической техники. Вокруг полученных таким образом разношерстных результатов возникают плановые дискуссии среди тех, кто за, кто против и кто не уверен в себе» [16, с. 37].

Все вышеприведенные рассуждения дают полное право утверждать, что постулаты экономической неоклассики весьма далеки от научной области и обеспечивают господствующую политическую веру в миф о саморегулирующемся рыночном механизме и рыночной системе, который имеет целью «обеспечить поддержку определенному ряду идей, весьма важных для исторического развития западной цивилизации» [26, с. 364].

Поэтому экономикс как теория «обретает смысл только тогда, когда становится ясным, что она использует не экономическую, а политическую аргументацию» [26, с. 364], а стало быть, эта теория в научном плане является «*интеллектуальным банкротом*» [26, с. 341] и выступает всего лишь как *гламурная обертка идеологии потребления*. В данном случае изначально заложенную и принятую за исходные постулаты *пустую риторику* представляют за движущую силу «экономической науки», которая замещает религию в качестве источника веры и непреходящих ценностей, а «сами ученые превращаются в особую касту священнослужителей» [25, с. 273]. И служат они, прежде всего, цели оглушения студенческой молодежи через насаждение экономиксации в ее сознание.

ную их «односторонность»: они работают с малым числом параметров. Как, каким именно образом мыслительный наш аппарат учитывает «многосторонность»? – из, может быть, неразрешимых тайн мироздания» [2, с. 30-31)].

⁵ По поводу оптимизации И. Бирман пишет, что «сама по себе явная неразрешимость проблемы критерия определяет абсурдность идеи описания экономики в целом (не частных задач!) в оптимальных категориях-терминах». Вторая причина неуспешности оптимизационного подхода состоит в том, что «прикладную задачу из реального мира не втиснешь в простые вычислительные схемы, а единственно при этом условии она решается. Неабстрактные задачи плохо описываются линейными уравнениями, жизнь нелинейна, а попытки аппроксимировать-линеаризировать ее требуют крайних упрощений, чрезмерных условностей» [2, с. 224, 225].

И еще один важный момент, на который отечественные профессора предпочитают не обращать внимания, ибо тогда пришлось бы признать, что под видом экономических дисциплин, читаемых на экономических факультетах, преподается нечто совершенно далекое от реальности и имеющее мало общего с современной экономикой. Дело в том, что сегодня функционирует не та экономика, которая была в конце XIX – начале и даже середине XX века. Ныне господствует **финансомика**, которая подчинила и заменила собой во многом эту традиционную экономику. Финансомика вызвала глобализацию и весьма умело пользуется ею для получения возрастающей *финансовой ренты*, чему подчинены не только практически все отрасли экономики, но и гламуризирующееся (по воле финансомики!) общество. И получается, что «финансомика процветает себе и процветает, а упорные ученые-экономисты все жонглируют затратами труда да полезностью благ, ища в трудовых затратах и нетрудовых полезностях ответы на фундаментальные вопросы экономики, под которой они понимают все, что угодно, кроме... экономики. Завороженные возможностью считать, а считать-то им приходится... только деньги, точнее денежные цифры, откуда-то вдруг берущиеся, они забывают, что все в реальности успешно и без них рассчитывается, причем безо всяких предварительных расчетов величин трудовых затрат и полезности. Помимо того, что все это невозможно попросту сделать, реальность хорошо знает, что это и не надо делать. А финансомика при этом только загадочно и иронично улыбается: «Эх вы, алхимики!» [18, с. 246].

Таким образом, в курсе экономической теории, основой которой является экономика как современный мейнстрим, осуществляется *упрощение, примитивизация* даже экономической, не говоря уже о хозяйственной, реальности, а студентам насаждаются *поведенческие коды* какой-то *упрощенно-схематизированно-математизированной ирреальности*, уводящей их в призрачно-виртуальный мир *догматической идеологии потребления*, где развитию **размыслительно-критических способностей, обретению и выработке хозяйственных смыслов вообще не находится места.**

Вопрос: *что делать?* – вновь предстает во весь рост. Но об этом – во второй части статьи.

Литература:

1. Арнц У. Что мы вообще знаем? Наука, эзотерика и повседневная реальность/ У. Арнц, Б. Чейс, М. Висенте. – М.: ООО Изд-во «София», 2007.
2. Бирман И.Я. – экономист (о себе любимом)/ И.Я. Бирман. – М., 2001.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе/ М. Блауг. – М., 1994.
4. Вовканич С. Соціогуманістичний контекст наукомісткості економіки інноваційного суспільства/ С. Вовканич // Економіка України. – 2005. – № 3.
5. Гальчинський А. Глобальні трансформації: концептуальні альтернативи. Методологічні аспекти/ А. Гальчинський. – К.: Либідь, 2006.
6. Гальчинський А. Економічна наука: проблеми методологічного оновлення/ А. Гальчинський // Економіка України. – 2007. – № 3.
7. Джон Де Грааф. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру/ Де Грааф Джон, Дэвид Ванн, Нейлор Томас. – М., 2004.
8. Гроф С. Революция сознания: Трансатлантический диалог/ С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел. – М.: ООО «Изд-во АСТ» и др., 2004.
9. Дорошенко М.Е. Обращаясь к истокам современной экономической теории/ М.Е. Дорошенко // Вестник Московского университета. – Сер. 6. Экономика. – 2000. – № 5.
10. Задорожный Г.В. Неэкономика как интеллектономика (о цивилизации одухотворенного интеллекта)/ Г.В. Задорожный, О.В. Бервено // Экономическая теория на пороге XXI века – 5. Неэкономика. – М.: Юристь, 2001.
11. Задорожный Г.В. Изменение типа социализации как следствие рыночной трансформации/ Г.В. Задорожный // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Сер.: економічна. Випуск 89-1. – Донецьк: ДонНТУ, 2005.
12. Задорожный Г.В. Социальная экономика в новой картине реальности/ Г.В. Задорожный // Социальная экономика, 2005, № 1-2.
13. Задорожный Г.В. Социальная экономика как научная область постнеклассического экономического знания/ Г.В. Задорожный, Я.Ю. Радченко // Социальная экономика, 2003. – № 4.
14. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег/ Дж. М. Кейнс. – М., 1999.

15. Лесков Л.В. Синергизм: философская парадигма XXI века/ Л.В. Лесков. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006.
16. Марцинкевич В. Экономический мейнстрим и современное воспроизводство/ В. Марцинкевич // Мировая экономика и международные отношения, 2003. – № 2.
17. Науковедение, 2002, № 3. – С. 190.
18. Осипов Ю.М. Пора, пора!.. / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства, 2008. – № 1.
19. Пахомов Ю. Біфуркаційний стан світосистемного ядра напередодні зміни світових лідерів/ Ю. Пахомов // Економіка України, 2008. – № 4.
20. Складаров А.Ю. Эзотерика и наука: враги или союзники/ А.Ю. Складаров. – М.: Вече, 2006.
21. Талбот М. Голографическая Вселенная/ М. Талбот. – М.: ИД «София», 2005.
22. Тарасевич В.Н. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке/ В.Н. Тарасевич // Вопросы экономики, 2004. – № 4.
23. Тихоплав В. Время Бога: сознание и жизнь/ В. Тихоплав, Т. Тихоплав. – М.: АСТ: Астрель, 2005.
24. Ульрих П. Критика экономизма/ П. Ульрих. – М., 2004.
25. Шелдрейк Р. Семь экспериментов, которые изменят мир: самоучитель передовой науки/ Р. Шелдрейк. – М., 2004.
26. Эйхнер А. Почему экономикс еще не наука?/ А. Эйхнер// Теория капитала и экономического роста. – М., 2004.
27. Affluenza: The All-Consuming Epidemic. - San-Francisco: Berrett-Koehler Publish-erc, Inc., 2002.
28. Freud, S. Civilization and Its Discontents. – London, 1951.

Анотація

ЕКОНОМІКС ЧИ СОЦІАЛЬНА ЕКОНОМІЯ?

(роздуми політеконома)

Задорожний Г.В., д. е. н., професор

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

В статті розкривається неспроможність економіксу як науки. Показано ненауковість його вихідних постулатів, а також неможливість в його форматі досліджувати сучасні соціально-економічні реалії.

Ключові слова: економікс, мейнстрім, споживацтво, постнекласична наука, фінансоміка, цінності, економізм.

Summary

ECONOMICS OR SOCIAL ECONOMY?⁶

(Reflections of the scientist of political economy)

Zadorozhny G.V. Doctor of Economic Sciences, Professor

V.N. Karazin Kharkov National University

In the article unfoundedness of Economics as a science is revealed. Unscientific nature of its initial postulates, and also impossibility in its format to investigate modern social and economic realities is shown.

Key words: economics, mainstream, consumerism, a postnonclassical science, financial economy, values, economism.

Поступила в редколлегию 30.09.2009 г.

©Задорожний Г.В., 2010 г.

⁶ As a discussion